

0-735522

На правах рукописи

Артюхов Альберт Витальевич

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Специальность

22.00.06 - социология культуры, духовной жизни
(социологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Ростов-на-Дону
2003

Работа выполнена в Ростовском государственном педагогическом университете на кафедре регионоведения и этносоциологии.

Научный руководитель доктор социологических наук, профессор
Денисова Галина Сергеевна.

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, профессор **Бондаренко Ольга Васильевна**
доктор философских наук, профессор **Курбатов Владимир Иванович**

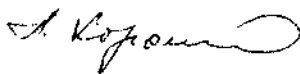
Ведущая организация - Краснодарский юридический институт МВД РФ

Защита состоится «30» июня 2003 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.206.03 в Ростовском государственном педагогическом университете по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ростовского государственного педагогического университета по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.

Автореферат разослан 30 мая 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Хоронько Л.Я.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Почти два десятилетия проведение активных системных реформ российского общества параллельно сопровождалось ростом числа преступлений, изменением структуры преступности. Криминология как научная дисциплина¹, изучающая преступность, не выдвинула убедительной теоретической модели, объясняющей это явление. Рост количественных характеристик преступности обусловил возникновение нового понятия, молниеносно распространившегося в бытовой, политической и научной сферах функционирования языка, - «криминализация». Так, если в начале процесса горбачевской модернизации в 1985 г. в России было зарегистрировано 416935 преступлений, то через десять лет, в 1996 г., - уже 2625081². Эксперты комментируют: «Рост преступных проявлений начался уже в 1988 г. К 1990 г. уровень преступности 1985 г. был превзойден почти на треть, а в 1995 г. зарегистрировано почти вдвое больше преступлений»³. Одновременно с этим наблюдается снижение уровня раскрываемости преступлений: «Так, в 1986 г. уровень нераскрытых преступлений составлял 8,8%, а в 1988 г. - до 25,8% и продолжал расти, достигнув в 1995 г. 53,1%»⁴.

Сопоставление этих цифр подводит к размышлениям о том, что речь идет не просто о росте преступности. Скорее, следует говорить о том, что в социальной реальности, понимаемой как переплетение мотивов, устремлений, общепризнанных норм, регулирующих поведение, происходит некоторая подвижка в ценностях. Она и вызывает поведение, которое трактуется представителями официальных структур как преступное (криминальное), но не вызывает такой оценки у основной массы населения. Происходит переоценка смысла действий людей, что проявляется в массовизации нарушений правовых норм. В этом контексте рост преступности следует рассматривать как социальный процесс, который можно определить понятием «криминализация»⁵.

Социальный процесс определяется как последовательное изменение состояний социальной системы или ее подсистем⁶, а критерием, с помощью которого можно выявить эту перемену, выступает трансформация ценностей и норм, закрепляющих их на поведенческом уровне. Этот подход последовательно развивался в социологической теории М.Вебером, Э.Дюркгеймом, Р.Мертоном, Т.Парсонсом, Ф.Теннисом. Именно эти позиции фиксируются в сфере правового поведения населения в современной России.

¹ Криминология // Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 155.

² Хохряков Г.Ф. Криминология. М., 2000. С.211.

³ Судебная статистика. Преступность и судимость (современный анализ уголовной статистики России 1993-1997 гг.). М, 1998. С.7.

⁴ Там же.

⁵ В переводе с греческого *criminis* - преступление.

⁶ Процесс социальный // Российская социологическая энциклопедия. М, 1999. С.426.

Криминализация как социальный процесс характеризуется массовым распространением делинквентных⁷ практик и участием в них в той или иной степени большинства населения страны. Такое описание явления, по сути, приводит к переопределению понятия «криминализация»: оно должно быть рассмотрено не как проявление поведения в отдельном сегменте функционирования общества, а как процесс, захвативший все общество и поэтому требующий адекватной социокультурной методологии анализа.

В отечественной литературе этот рост преступности объясняется в первую очередь экономическими причинами и традициями теневых отношений в экономике, а также ослаблением политической власти. На наш взгляд, подходы, концентрирующиеся на поиске причин «индивидуальных отклонений», адекватны для анализа преступности в обществах, для которых характерен сравнительно стабильный криминальный фон.

Резкое повышение криминального фона предполагает использование для его изучения макросоциологических методов анализа. В конце концов преступность всегда была и остается средством асоциальной адаптации к обществу индивидов или социальных групп, не сумевших идентифицировать себя с каким-либо легитимным статусом, вписаться в узаконенную топологию социальных позиций. Очевидно, что резкая криминализация социальной жизни свидетельствует прежде всего о появлении в ней институтов, меняющих традиционную, привычную для членов данного общества систему удовлетворения базовых потребностей. В российской социологии это понимание было выражено И.Клямкиным и Л.Тимофеевым. В частности, исследуя теневую экономику, они отметили, что «...в основе внезаконных экономических отношений в России лежит возможность приватизировать любое общественное благо (в частности, любой закон) и пустить его в теневой оборот. Внезаконная практика начинается не как независимая частная инициатива за пределами действующего закона, но возникает в недрах официального правового порядка»⁸. Криминальные или неправоновые практики на массовом уровне проявляются как теневые взаимодействия.

Таким образом, анализ «ураганной» криминализации общества, которая выступает индикатором его фундаментального переструктурирования, т.е. изменения сложившихся в нем систем распределения ресурсов и управления, а также базовых ценностей, легитимирующих эти системы, предполагает институциональный подход. Реформы 90-х гг., сопряженные с кардинальным изменением норм, регулирующих широкий спектр социальных практик, не могли не вызвать проблем культурной адаптации к ним. Изучение этого процесса включает рассмотрение изменений социального механизма мотивации поведения и способов его контроля со стороны общества, т.е. в ценностном и

⁷ Делинквентность (с англ.) - «провинность», или, более академично, «психологическая тенденция к правонарушению» // Кудрявцев В.Н., Никифоров Б.С. Вступительная статья // Социология преступности. М., 1966. С.7.

⁸ Клямкин И., Тимофеев Л. *Нечестная игра*. М., 2000. С.П.

нормативном аспектах. Тем самым процесс криминализации раскрывается в социокультурном ракурсе.

Однако эта позиция в наименьшей степени представлена в современных отечественных исследованиях, посвященных анализу данной темы. Сошлемся на авторитетное мнение известных социологов, объясняющих причины крайне малой изученности данной темы: «...внимание ученых сосредоточено главным образом на решении прикладных задач, - в первую очередь на рекомендациях по выработке законодательства, которое помогло бы сузить сферу теневой экономики, и, соответственно, способствовать оптимизации налоговой политики правительства.... Однако при таком локальном подходе системная природа явления не только не выявляется, но и несколько затушевывается»⁹.

Практическая актуальность темы объясняется тем, что резко возросший уровень преступности свидетельствует не столько о деградации нравов, проявляющейся в индивидуальных девиациях, сколько о несоответствии социальных практик тем нормам, которые их регулируют. Поэтому рассмотрение современного состояния криминальности в России требует ее анализа в контексте трансформационных процессов, т.е. на макроуровне.

Степень разработанности темы. Проблема криминальной девиации интересовала многих известных ученых, социологов, психологов, философов, криминалистов прошлого и нынешнего столетий. Достаточно указать имена таких ученых, как С.Ане, Э.Дюркгейм, Н.Луман, Р.Мертон, Т.Парсонс, Э.Сатерленд, Дж.Ф. Скотт, П.Сорокин, З.Фрейд, которые внесли вклад в разработку данного направления исследований.

В социологии и криминологии делинквентное (преступное) поведение рассматривается преимущественно на уровне микроанализа и объясняется рядом причин: депривацией, бедностью (А.И. Демова, А.И. Долгова, А.Коэн), маргинальностью, отсутствием семьи или друзей (Д.Гресси, Т.Хирши), субкультурой (Р.Мертон, Х.Сазерленд), последствием наклеиванием ярлыка девианта (Г.Бекер, Э.Лемерт). Но анализ этих явлений и вызвавших их причин приводит к исследованию социальных процессов макросоциологического уровня, которые вызывают негативные общественные условия, содействующие преступности: процессов стратификации, дезинтеграции и миграции, культурной плюрализации и межэтнической напряженности. Они мотивируют общественно опасное девиантное и делинквентное поведение.

Изучение природы преступности уже в XIX в. показало социальную обусловленность преступного поведения. Здесь достаточно будет сослаться хотя бы на публицистические работы молодого К. Маркса¹⁰. Эта позиция не утратила актуальности и до настоящего времени и используется в качестве

⁹ Клямкин И., Тимофеев Л. Указ.соч. С.8-9.

¹⁰ Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К. Социология. М., 2000.

методологического ключа многими современными исследователями, в частности, М.Фуко¹¹.

Несколько иной подход к преступности и делинквентности разрабатывал Э.Дюркгейм, рассматривая эти формы как социокультурные акты, вызванные «...кризисными, переломными моментами в жизни... общества и человека»¹² - моментами, резко повышающими значимость инновационной деятельности. Он рассматривал преступность в связке с инновацией и девиацией и показывал формирование криминального мира как нормального явления, сопутствующего социальной динамике: «...нормальным является само существование преступности при условии, что она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определенного типа; этот уровень, быть может, не невозможно установить»¹³. Этот подход нашел дальнейшее развитие в работах Р.Мертон, разработавшего типологию девиантного поведения, в рамки которой может быть вписана и делинквентность.

В отечественных исследованиях до конца 90-х гг. проблемы отклоняющегося поведения освещались преимущественно в рамках криминологии и были посвящены большей частью изучению личности преступника, динамики преступности. Этот подход был перенесен в разработку нового для отечественной науки направления - социологии права - и реализован в работах В.Казимирчука, Ж.Карбонье, В.Кудрявцева, К.Кульчара, В.Лапаевой.

Достаточно обширная литература посвящена проблемам девиантного и делинквентного поведения, в том числе подростков (О.Я. Антонов, С. Беличева, Я.И. Гилинский, И.Двойменный, Е.Жигарев, И. Кон, С.Е. Куриленко, А.Мудрик, О.Осипова)¹⁴. Этой проблеме большое внимание уделяется в научных исследованиях регионального уровня¹⁵.

Наряду с этим подходом в отечественной социологии активно разрабатывается проблема социального контроля за девиантным и делинквентным поведением (Ю.Г. Волков, Я.И. Гилинский, И.А. Двойменный, В.И. Доб-

¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

¹² Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С.20.

¹³ Дюркгейм Э. Указ. соч. С.39-40.

¹⁴ Антонов О. Татария: Молодежная преступность // Законность. 1991. № 2. С. 51-52; Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» // Социол. исслед. 1999. № 4; Быков С.А. Наркомания среди молодежи как показатель дезадаптированности // Социол. исслед. 2000. № 4; Жигарев Е.С. Административная делинквентность несовершеннолетних: понятие, виды и ее профилактика. М., 1992.

¹⁵ Бжассо А.М. Социальный контроль преступности несовершеннолетних в современной России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук, Новочеркасск, 2001; Погосян Л.А. Делинквентное поведение молодежи в России: социологический анализ. Автореф. дис. ... канд. социол. наук, Ростов н/Д, 2002; Приходченко Г.П. Делинквентное поведение сельского населения: социоструктурный аспект. Новочеркасск, 2003.

ренков, В.Н. Нечепуренко, А.В. Попов)¹⁶. Рост преступности в различных сферах российского общества стал привлекать внимание не только специалистов в области социологии права и криминологии, но и других областей социологической теории. В частности, большая исследовательская литература уже накоплена по проблемам анализа преступности в экономической области (В.Головач, Т.Долгопятова, В.Исправников, В.Куликов, В.Колесников)¹⁷. Большое внимание вызывают немногочисленные пока исследования, в которых подвергнута анализу проблема преступных практик представителей властных структур¹⁸. Широкую известность приобрела в этом плане работа Г.Подлесских и А.Терешонок, рассматривающих криминальность как властный ресурс¹⁹. Однако эта проблематика чаще обсуждается в публицистической²⁰ и мемуарной литературе. В мемуарной литературе показывается значительное расхождение в декларациях и действиях публичных органов власти, которые осуществлялись под влиянием групп скрытого и открытого давления²¹. Результаты исследований, представленные в этих и аналогичных по проблематике работах, выдвинули проблему латентной преступности, которая за последние годы неоднократно обсуждалась на различных симпозиумах и научных конференциях²².

В несколько иной, более масштабной, постановке проблемы латентная преступность как характеристика функционирования российского общества стала предметом междисциплинарного обсуждения ученых в рамках ежегодных международных симпозиумов, проводимых Московской высшей школой социальных и экономических наук под руководством профессора Т.И. За-

¹⁶ Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975; Волков Ю.Г., Добренъко В.И., Нечепуренко В.Н., Попов А.В. Девиация и социальный контроль // Социология. М., 2000. С.163-203; Гюшнский Я.И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. № 2. С. 121-126; Двойменный И.А. Рецидивная преступность: характер, факторы, уровень // Социол. исслед. 2000. № 1. С. 61-66.

¹⁷ Головач В. Организованная экономическая преступность и меры борьбы с ней // Проблемы борьбы с преступлениями в сфере экономики. Киев, 1990; Долгопятова Т., Евсеева И. Экономическое поведение промышленных предприятий в переходной экономике // Вопр. экономики. 1994. № 8; Неформальный сектор в российской экономике: формы существования, роль и масштабы / Под ред. Т.Долгопятовой М., 1998; Исправников В., Куликов В. Теневая экономика в России: иной путь и третья сила // Росс. эконом. журн. 1997. № 2; Колесников В. Экономическая преступность и рыночные реформы. Политико-экономические аспекты. СПб., 1994.

¹⁸ Воронов В.А. Феномен теневой власти в современном политическом процессе. Автореф. дис.... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002.

¹⁹ Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. М., 1995.

²⁰ Воротников В.П. Теневая политика и теневая экономика // Обозреватель (Observer). 2002. № 3-4.

²¹ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999; Широнин В. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996.

²² Латентная преступность: познание, политика, стратегия // Сб. материалов Международного семинара. М., 1993.

славской²³. Именно на этих симпозиумах в обсуждении ученых, представляющих разные науки, обнаружилась тенденция распространения неправовых практик на все сферы социального функционирования и на все социальные группы. Подход, основанный на учете этой тенденции, был реализован в объемном исследовании И.Клямкина и Л.Тимофеева²⁴, в котором был собран обширный материал по проявлению неправовых практик в сельскохозяйственной, промышленной, образовательной, медицинской, управленческой и других сферах экономической деятельности.

Аргументируя развитие данной тенденции расхождением реальных социальных практик²⁵ и функционирующих социальных (правовых, нравственных) норм, ученые тем не менее не рассматривали проблему культурной обусловленности формирования этого разрыва. Первую и успешную попытку такого анализа предпринял А.Н. Олейник²⁶, рассматривая тюремную субкультуру. Методологически исходя из сопоставления криминальной субкультуры и культуры общества в целом, он объясняет российскую преступность, сопоставляя общество современного типа и «маленькое» общество, т.е. с незаконченной модернизацией. Однако этот подход, в силу специфики исследовательских задач, был применен преимущественно к анализу тюремной субкультуры.

В последние годы анализ проблемы социальных характеристик преступности, обусловленной социокультурными особенностями региона, осуществляется в диссертационных исследованиях регионального уровня. Так Р.А. Кульбацкий, М.А. Шибаева обращают внимание на факторы макросоциального уровня, обуславливающие рост преступности и изменение ее структуры. При этом специально рассматривается трансформация ценностей, выступающая источником делинквентного поведения²⁷.

Нам представляется, что разработка данного методологического подхода применительно к изучению роста преступности в базовых сферах функционирования российского общества позволит проанализировать социокультурные источники роста криминальных практик в современной России, показать

²³ Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 2001; Куда вдет Россия?. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 2002.

²⁴ Клямкин И., Тимофеев Л. Указ. соч.

²⁵ Под реальными практиками понимаются «действительные формы и способы функционирования социальных институтов», реализующиеся через действия и взаимодействия социальных групп, масс, индивидов. Отсюда - производный термин «массовые практики» (См. Заславская Т.И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия?. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 2002. С.12.

²⁶ Олейник А.Н. Тюремная субкультура. М., 2001.

²⁷ Кульбацкий Р.А. Изменение структуры и социальных характеристик преступности в современной России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2002; Шибаева М.А. Региональные особенности и факторы преступности на Северном Кавказе (социологический анализ): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2002.

процессуальный характер криминальности, сопряженный с трансформацией базовых социальных институтов.

Объектом исследования выступают неправовые формы функционирования базовых социальных институтов в условиях трансформирующихся обществ, реализующиеся в массовых практиках в различных сферах.

Предметом исследования избраны культурные основания, косвенно обуславливающие рост делинквентных и неправовых практик.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является анализ социокультурных оснований процесса криминализации российского общества, вызванного институциональными реформами 90-х гг.

Поставленная цель структурируется в решении следующих *задач*:

- 1) проанализировать причины расширения криминальных форм поведения и их функции в модернизирующихся обществах;
- 2) исследовать проективную роль дискурса, выступающего фактором расширенного воспроизводства делинквентности;
- 3) рассмотреть практики противостояния преступности в современном обществе с точки зрения взаимодействия форм социального контроля, характерных для современных и традиционных социальных структур;
- 4) выявить социокультурные основания криминализации российского общества;
- 5) раскрыть специфические формы проявления криминализации, вызванные российскими реформами;
- 6) провести анализ культурных особенностей и функций российского дискурса о преступлении и каре;
- 7) определить стратегию регулирования криминализации в современных условиях России.

Методология исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются принципы социокультурного анализа, сформулированные Л.Иониным и переориентирующие рассмотрение культуры с ее концепта как «пассивного слепок с реальных процессов поведения» на активную форму. Автор опирается на методологические идеи Э.Дюркгейма, рассматривающего сферу криминальных действий как инновацию, близкую к предпринимательству; а также на развитие этого подхода в работах Р.Мертон, разработавшего типологию девиантного поведения, составной частью которой является инновационный тип. Одной из ключевых методологических идей диссертации является концепция институционального обмена, сформулированная С.Кирдиной в рамках концепции институциональных матриц. Не менее значимой для диссертационного исследования является идея М.Фуко о дискурсе как совокупности речевых практик, структурирующих реальность, вносящих в нее ценности и смыслы.

При анализе современного процесса криминализации в России были использованы методологические идеи Т. Заславской, систематизировавшей

причины расхождения норм социальных институтов и реальных практик их функционирования.

Эмпирической основой исследования выступил вторичный анализ экспертных позиций по проблемам криминализации российского общества, а также результаты социологического опроса пилотного типа, проведённого автором в 2002 г. в Юго-Западном округе г. Москвы. В опросе приняли участие 416 человек, поровну каждого пола. Образовательная структура принявших участие в опросе представлена следующим образом: респонденты с высшим образованием - 43,5 %, с незаконченным высшим - 15,5 % со средним специальным - 28,0 %, с общим средним - 10,6 %, с неполным средним - 2,4 %. В выборке были пропорционально представлены все возрастные группы респондентов: от 16 до 24 лет - 21,6 %, от 25 до 34 лет - 26,4%, от 35 до 44 лет - 20,7 %, от 45 до 59 лет - 23,1 % и от 60 до 70 лет - 8,2 %.

Научная новизна. Принципиально новым является предложенный подход к анализу криминальности в России, рассмотренной как следствие институциональных реформ 90-х гг. XX в., которые содержат в латентной форме отказ от использования культурных механизмов организации общества, сформировавшихся на протяжении его истории.

В содержательном плане *научная новизна* исследования заключается в следующем:

- раскрыто инновационное содержание криминальных практик в модернизирующемся обществе, которые с необходимостью сопутствуют буржуазному способу общественного производства и поэтому интегрируются им, приобретая при этом тенденцию к постоянному расширению;
- проанализированы доминирующие идеи дискурса о криминальности и вскрыты его латентные функции по отношению к субъектам криминальных взаимодействий;
- показаны недостаточность правовых форм регулирования делинквентных практик в современных развитых странах и обращение их к использованию в модернизированном виде контролирующего опыта первичных коллективов, характерных для традиционного типа общества;
- обоснован тезис о том, что главным источником криминализации российского общества в современных условиях выступает стремление современной политической элиты полностью заменить культурные механизмы функционирования экономической и политической сфер на механизмы организации западного образца;
- исследованы специфика проявления криминализации в России, обусловленная реформированием политической сферы общества и вызвавшая нарастание угроз политической целостности государства, а также формирование этнических криминальных групп;
- выявлена культурно-историческая специфика российского дискурса о преступлении, которая проявляется в акцентировании доминирования ценно-

сти справедливости по отношению к ценности права и латентно конструирует диспозицию «государство (право) — общество (справедливость)»;

- определена правовая стратегия сдерживания криминализации в России, показаны ее слабая эффективность в современных культурных условиях и необходимость использования сложившихся в культуре институтов первичного контроля криминальных форм взаимодействия.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Формируясь как необходимое «теневое» продолжение общества, криминальная сфера выполняет в числе прочих функцию расширения социальных практик в тех сегментах, которые де-факто уже не вписываются в сложившиеся правовые рамки. Поэтому криминальные практики не отвергаются обществом, а интегрируются, работая в экономике - на увеличение эффективности общественного производства; в политической сфере - на авторитарное подчинение легализованных потенциально разрушительных сил; в культуре — на усиление значимости базовых ценностей. Но достигается этот результат изначально негативными средствами, что придает криминальной сфере эффект карнавальности.

2. Литературно-публицистический дискурс о криминальной сфере в современном обществе выполняет различные явные и латентные функции. Явные функции - воспитательная, интеллектуальная, коммерческая - направлены на рядовых граждан. Однако по отношению к субъектам преступных практик этот дискурс выполняет латентные функции обучения, моделируя более эффективные практики делинквентных действий и группового самосознания, структурируя взаимодействия субъектов преступных практик и вербализуя нормы, принципы и способы организации криминальных сообществ.

3. Анализ опыта противостояния тенденции криминализации в современных экономически развитых странах показывает необходимость, наряду с правовыми средствами, активной социальной политики, направленной на актуализацию культурных источников, блокирующих делинквентные практики в фазе их зарождения. К их числу можно отнести: восстановление в обществе ценностей персонифицированных отношений, лежащих в основе первичной социализации; разукрупнение урбанизированных комплексов для создания условий формирования солидарных групповых взаимодействий; усиление взаимодействий институтов первичной социализации; а также финансирование социальных инициатив, увеличивающих солидарные внутригрупповые взаимодействия.

4. Смена планово-распределительного принципа организации экономики рыночным при сохранении технологической зависимости общества от природно-климатических условий определила также сохранение минимального объема прибавочного продукта и обнищание большинства населения. Сложившиеся объективные условия вызвали борьбу элит за контроль над ресурсами. Отказ от государственного механизма перераспределения ресурсов в

интересах большинства общества в реальности привел к утверждению теневого механизма участия государственных чиновников в присвоении ресурсов, задающего вектор криминализации всех сфер социального функционирования.

5. Реорганизация принципов формирования политических элит (от назначения к выборности) и изменение территориальной организации власти (от унитарно-централизованного начала к федеративному) в российских условиях стали дополнительным источником криминализации общества, которая проявилась по двум направлениям:

- а) возникновение тенденции сепаратизма как способа увеличения политического капитала региональных политических элит, что привело к их слабой контролируемости и формированию регионов с высоким криминогенным потенциалом;
- б) высокая миграционная подвижность населения из регионов экономической стагнации и политической нестабильности, что сопровождалось формированием в относительно экономически благополучных регионах этнических криминальных групп, отличающихся активной делинквентной предприимчивостью и внутренней консолидированностью.

6. Культурно-историческая традиция осмысления криминальных практик в России никогда не была связана с утверждением ценности права. В настоящее время в российском дискурсе намечается раскол: одна его линия показывает вседозволенность преступного мира и постепенное поглощение им «нормального» общества, другая линия направлена на утверждение идеи необходимости развития гражданской активности в форме самозащиты для противостояния криминализации «всем миром».

7. Реальная практика сдерживания криминализации в России показывает обращение властных органов преимущественно к правовым институтам, реализуя при этом концепцию реформирования правовой системы по европейскому образцу. Однако слабость инспигугов гражданского общества при падении доверия населения к правоохранительным органам объясняет крайне медленные темпы этого продвижения и требует в качестве дополнительного ресурса обращения к культурным традициям противостояния криминализации, коренящимся в истории России.

Практическая значимость работы определяется тем, что проведенный анализ дает основание управленческим органам скорректировать стратегию антикриминальной политики, обратив внимание на восстановление и обновление традиционных форм первичного контроля за делинквентными практиками. Результаты данной работы могут быть использованы для разработки концепции правового просвещения в средствах массовой информации и на телевидении и уточнения ее смысловой направленности, для развития соответствующих направлений в современном социологическом знании: социологии культуры и социальной структуры, организации социологического мониторинга, направленного на отслеживание динамики правовой культуры

и мотивации правовой активности, а также в учебном процессе при разработке лекционных курсов и спецкурсов по социологии права.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на совместном заседании кафедры регионоведения и этносоциологии, и кафедры социологии РГПУ, а также на университетских научных конференциях. Основное содержание диссертации опубликовано в научных работах общим объемом п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (включающих 6 параграфов, 5 статистических таблиц, 3 диаграммы), заключения, списка литературы и приложения, в котором представлены линейные распределения результатов опроса населения. Объем текста диссертации - 135 машинописных страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновываются выбор и актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень её разработанности, определяются цель и задачи работы, элементы новизны, показана теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава «Криминализация как социальный процесс в модернизирующемся обществе: методология анализа» посвящена осмыслению феномена резкого роста преступности в условиях бурного развития буржуазных отношений.

В *первом параграфе «Социальные отношения как источник формирования преступности современного общества»* анализируются социокультурные механизмы воспроизводства преступности в Новое время, порождающие её как неотъемлемый аспект общественной жизни.

В контексте рассмотрения современного общества как постоянно меняющегося, ориентированного на новацию в качестве принципа своего функционирования, актуализируется проблема связи между инновацией, девиацией и преступлением, представленная еще Э.Дюркгеймом. С его точки зрения, возможность индивидуальности реализовать себя является необходимым условием прогресса. Структура социальных отношений, допускающая и стимулирующая «позитивную» разновидность инновационно-отклоняющейся деятельности, не может заблокировать развитие форм «негативной» девиации-инновации²⁸. Преступность проявляется как способ адаптации к быстро меняющимся условиям и приобретает характер социальной инновации.

Э. Дюркгейм, приписывая делинквентности (противоправной деятельности) инновационную функцию, по сути, связывает преступление как социокультурный акт с «кризисными, переломными моментами в жизни... об-

²⁸ Дюркгейм Э. Указ. соч. С.42-43.

щества и человека»²⁹ - моментами, резко повышающими значимость инновационной деятельности.

Определяя источники формирования криминальной сферы, автор диссертации подчеркивает, что первоначально преступность возникала и функционировала как необходимый способ выживания. Однако в буржуазном обществе деликвентные практики постепенно преобразуются. На эту трансформацию оказывает существенное влияние распространение нормативной для буржуазного общества мотивации - стремления к успеху. Страсть к специализированной работе, богатству, желание стать профессионалом, побеждающим прочих конкурентов - все это социокультурные признаки *экономической сферы* национально-буржуазного общества. Но они же находят свое продолжение в неправовых практиках, возникающих в условиях достаточно узких каналов вертикальной мобильности в обществе, которое высоко оценивает экономическое процветание и социальное продвижение. Преступность, являясь одним из способов достижения экономической успешности, выступает в современном обществе видом отклоняющегося поведения на пути к достижению цели, легитимизированной самим обществом.

Таким образом, в *экономической сфере* делинквентные (преступные) практики не отвергаются самим обществом, а, напротив, выступают продолжением «нормально» функционирующей экономики. В сфере экономической деятельности преступность вскрывает «узкие места» ее организации и создает возможности для увеличения эффективности общественного производства.

Но таким же рациональным эффектом обладают делинквентные практики и в сфере *политического функционирования общества*. Правонарушение противопоставляет индивида всему обществу, создавшему правовые нормы и законы, и вызывает ответную реакцию с его стороны (наказание). Но, бросая вызов обществу, отрицая всей своей жизнедеятельностью законы национального государства, преступник оказывается одновременно их самым стойким адептом, причем по целому комплексу характеристик: с точки зрения познавательного, оценочного и деятельностного (регулятивного) компонентов. Преступник является более осведомленным в сфере правовых норм и законов, чем все остальное население.

Преступность как сфера функционирования социальной системы формирование также в *культурном пространстве* конкретного общества. В обществе современного типа это проявляется в возникновении специфической субкультуры, «...то есть норм поведения, традиций, языка, стиля одежды»³⁰. Эта субкультура или, точнее, комплекс делинквентных субкультур, казалось бы, отрицает общенациональную культуру. Однако, находясь под воздействием символов национального, даже в своих наиболее маргинальных и

²⁹ Там же.

³⁰ Хохлаков Г.Ф. Указ. соч. С.291.

контркультурных нормах, символическая среда делинквентности продолжает воспроизводить общенациональные культурные образцы. Поэтому носители делинквентных практик из представителей национальной культуры трудно различимы в общей массе населения. Их укорененность в культурной среде выступает мощным маскирующим ресурсом делинквентов, но одновременно и объясняет их меньшую успешность по сравнению с иммигрантами. Социально-экономическое экспериментирование (инновация) представителей местного сообщества в значительной степени сдерживается их приверженностью к регулирующим ценностям-нормам культуры. Поэтому в криминальной деятельности оказываются более успешными иммигранты, не впитавшие в процессе первичной социализации в принимающем обществе его терминальных ценностей, жестко контролируемых культурой. В своей деятельности они руководствуются рациональным прагматичным интересом.

Анализируя возникновение преступных практик из системы социально-экономических и политических отношений, воспроизводимых социальными институтами самого общества, автор делает вывод о функции криминальной сферы в культуре общества - быть ее определенным отражением («тенью»). Она состоит в расширении социальных практик в тех сегментах социальных отношений, которые де-факто уже не вписываются в сложившиеся правовые рамки. Но достигается этот результат изначально негативными средствами, что придает криминальной сфере эффект карнавальности. С этой точки зрения, криминальная сфера является побочным продуктом сущностной характеристики современного общества - его инновационной природы.

Для культуры сфера криминальных практик выступает полем постоянного инновационного эксперимента. При этом из всевозможных вариантов социально приемлемых, массовых инноваций осуществляется постепенный отбор тех, которые способны расширить адаптационные возможности общества и укрепить, даже в форме делинквентности, базовые ценности-цели. Те же из криминальных практик, которые разрушают базовые основания культуры, жестко отсекаются обществом.

Во *втором параграфе «Общественный дискурс о преступности как способ ее структурирования»* рассматривается проективная роль дискурса, выступающего фактором расширенного воспроизводства делинквентности.

Сфера криминальности, рождаясь в Новое время как необходимое удвоение социальной реальности, привлекает к себе пристальное внимание как мыслителей, так и обывателей. Газетные отчеты о преступлениях и судах, детективные рассказы и романы, научные изыскания в области причин преступного поведения и методов их искоренения и т.д., приобщая миллионы читателей (а также зрителей и слушателей) к воображаемой общности либо жертв, либо преступников, либо тех и других попеременно, десакрализует криминальную сферу.

Литературно-публицистический дискурс о криминальной сфере вызван целым рядом потребностей общества в целом и субъективным интересом индивидуального уровня. Общество, заинтересованное в пресечении крими-

нальных практик, поощряет публичное обсуждение внутренней мотивации индивида, побудившей его к преступлению, и публичное раскаяние. В этом усматривается поучительно-воспитательный эффект. Данная функция бесконечного дискурса о преступлениях и карах восходит к «эшафотным речам» и обусловлена представлением об изначально грешной природе человека, падкого на искушения и, как следствие, склонного к выходу за пределы конституирующей общество нормативной базы. Дискурс о преступлении и каре должен служить в этом контексте постоянным предостережением индивида, склонным к «правовому грехопадению».

С течением времени, по мере усложнения самого общества возникают новые потребности. В частности, инновационная природа современного общества требует раскрепощения индивидуального сознания от жестких норм традиционного общества и одновременно компенсации психологических поражений на поле возможных проб в сфере инновационных действий. Осмысление преступности в литературно-игровой, фантазийной форме служит удовлетворению этих потребностей. В свою очередь обсуждение криминальных практик позволяет утвердить базовые ценности общества: необходимость достижения успеха, неизбежность кары за преступление, утверждение идеологии открытости общества и защиты частной собственности, а следовательно, в косвенной форме - утверждение социального неравенства. Тем самым дискурс о делинквентности выступает важным «приводным ремнем» социокультурного механизма, обеспечивающего функционирование западной цивилизации.

Иначе говоря, осмысление общественностью делинквентных практик показывает переход друг в друга «светлой» и «теневого» подсистем социума, отводя праву и морали роль правил игры, которым требуется следовать в официальной («светлой») подсистеме, но возможность использовать при рациональной необходимости делинквентных практик. В этой релятивизации моральных норм и разведении моральных императивов и реальных практик дискурс об «игре в таинственные преступления» сыграл выдающуюся роль.

Наряду с этими явными функциями, дискурс о делинквентности способствует укреплению одобрения существующей в западном обществе системы социального неравенства. Достигается это тем, что виды делинквентной деятельности, присущие представителям социальных низов, представляются как главная угроза общественному порядку. А преступления, совершаемые только представителями доминирующих социальных слоев, связанные с их профессиональной деятельностью³¹, так называемая «беловоротничковая» преступность остаются за пределами широкого обсуждения общественности.

Но параллельно с этими явными функциями дискурса о преступности у него есть и неявные, возникающие при встрече литературно-публицистических произведений с представителями самого преступного ми-

³¹ Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М., 2001.-С.228.

ра. По отношению к субъектам преступных практик этот дискурс выполняет функции рефлексии, играет обучающую роль методического пособия, моделируя более эффективные практики делинквентных действий, а также структурируя взаимодействия субъектов преступных практик.

Третий параграф «Социокультурное измерение стратегии противостояния делинквентности» исследует практики противостояния делинквентности в современном обществе.

Криминализация, являющаяся необходимым спутником развития буржуазного общества, базирующегося на предпринимательской деятельности и индивидуализме, выдвинула проблему актуализации внутренних источников, препятствующих расширению этого процесса. Все предлагаемые теоретиками и практиками формы и способы борьбы с преступностью можно разделить на следующие группы.

Во-первых, с точки зрения формы, практика сдерживания криминализации может включать как легальные, так и нелегальные приемы борьбы с незаконной активностью граждан. Исходя из соображений тактики, переход к теневым формам борьбы с преступностью достаточно эффективен: вместо того, чтобы извлекать преступника из поля делинквентных практик, помещать его в сферу закона, предоставляя ему, таким образом, возможность действовать в каждой конкретной ситуации в зависимости от интереса либо по закону, либо по «понятиям», субъект борьбы с преступностью сам переходит на антиправовое поле. В результате преступник лишается возможности увеличивать свободу своего действия за счет ситуационных перескакиваний из «тени» в сферу легальных действий, в то время как его противник существенно расширяет спектр своих возможных действий за счет возможности их осуществления как в легальной сфере, так и в «теневой». Однако, с точки зрения стратегии борьбы с преступностью, ее нелегальные формы, расширяя в обществе антиправовое пространство, по сути, отрицают декларируемые цели этой борьбы.

Во-вторых, по способам борьбы с преступностью можно выделить две парадигмы, которые имеют *организационное* и *политико-правовое обеспечение*.

Первый подход исходит из поиска источников преступности в социальном расслоении и росте обнищания масс. Поэтому блокирование криминализации усматривается в реализации стратегии постепенного и целенаправленного повышения уровня благосостояния различных социальных слоев. Логика этой парадигмы полностью соответствовала социокультурным основаниям национального буржуазного общества. Требование улучшить социальные условия жизни подчиненных классов являлось неременным условием достижения требуемого уровня политической лояльности посредством политики популизма и культурной однородности.

Однако социальная практика показала устойчивую корреляционную зависимость темпов роста благосостояния общества и преступности. Так, один

из видных британских криминологов Д.Янг обратил внимание на несоответствие парадигмы социально-демократического позитивизма, согласно которой улучшение социальных условий жизни в стране может существенно сократить преступность и другие формы антисоциального поведения, реальным процессам в криминальной сфере индустриально развитых государств. В Великобритании «...трущобы были уничтожены, образовательные стандарты возросли, была достигнута практически полная занятость населения, вырос уровень благосостояния людей, был достигнут наивысший уровень процветания в истории человеческого общества, однако преступность возросла. В Британии...с 1951 по 1971 год реальный доход на душу населения вырос на 64%, в то время как число преступлений, зарегистрированных полицией, увеличилось на 172%, обогнав таким образом рост доходов почти в три раза»³².

Второй подход исходил не из экономических причин делинквентных практик, а из «природы человека», объясняющей стремление выйти за рамки контроля. Поэтому возможность сдерживание делинквентных практик усматривалась в расширении сферы публичного контроля, ориентированного на различные группы населения.

В определенном плане вторая парадигма в корне противоречит предыдущей: если первая предполагает увеличение личного благосостояния и, как следствие, совокупности частных пространств и практик, то вторая предусматривает наращивание публичности для различных сфер частной жизни или, точнее, придание *прозрачности* различным сторонам жизни общества и составляющих его членов. Более видимыми должны стать объект и место возможного преступления. По мнению представителей «новой административной криминологии», подавляющее большинство преступлений вызвано ситуативными факторами: случайным стечением обстоятельств, которые, создав благоприятные возможности для совершения преступления, выталкивают на поле делинквентных практик людей с отсутствующей заранее мотивацией преступного поведения: «Как правило, такое поведение носит спонтанный ... характер и может быть предотвращено соответствующими мерами, например, путем улучшения охраны и контроля за возможными объектами совершения преступления, укрепления замков в машинах и домах, улучшения уличной освещенности, а также с помощью иных мер, препятствующих совершению преступлений»³³. Общество пристально всматривается также еще в две категории людей, в принципе чистых перед законом либо еще не заслуживающих своими проступками наказания. В первую очередь это те, кто уже отбыл наказание и тем самым искупил свою вину перед обществом. Во вторую - это те, чья социальная траектория, проходя по краю пространства легитимных практик, позволяет прогнозировать их уход в ближайшее время за его пределы. Однако усиление «прозрачности» сфер частной жизни вскрыло культурные основы делинквентных практик.

³² Цит. по: Ведерникова О.Н. Указ. соч. С.112.

³³ Там же. С.140.

Перспективным подходом в противостоянии криминализации в настоящее время является создание социокультурных условий для восстановления в обществе ценностей персонифицированных отношений, лежащих в основе первичной социализации и норм неформализованного межличностного контроля. По мнению известного норвежского криминолога Н.Кристи, чем ближе потенциальная жертва оказывается к потенциальному преступнику, чем больше у нее возможностей донести до него свое «определение ситуации» (вызвать сочувствие к себе, неприятие той или иной формы делинквентности). Другими словами, чем больше предпосылок создает общество для установления или воспроизводства личностно окрашенных отношений между своими членами, тем выше шансы на вытеснение насилия из систем социальных контактов. Таким образом, современные экономически развитые общества стремятся дополнить правовые формы контроля криминального поведения восстановлением персонифицированных отношений, характерных в большей степени для традиционных обществ с высокой плотностью межличностного общения.

Во второй главе «Особенности криминализации российского общества» рассматриваются факторы и формы криминализации, укорененные в традиции социальной организации российского общества. Автор предпринимает также анализ способов, снижающих криминальный фон социальной жизни.

В первом параграфе «Преступность в трансформирующемся российском обществе: факторы и формы проявления» выделяются макросоциальные основания криминализации российского общества.

Реализация стратегии рыночных реформ в России в 90-е гг. так же, как и на Западе, вызвала расширение сферы неправовых практик. Однако этот процесс в российской культурной среде приобрел несколько иной характер, чем в странах со сложившейся рыночной экономикой. В качестве объяснительной модели, позволяющей концептуализировать проявление неправовых практик в различных сферах функционирования современного российского общества и высветить российскую специфику процесса криминализации, автор выбирает теорию институциональных матриц, выдвинутую новосибирской школой социологии. Опираясь на методологические работы в области историко-культурного, социологического и культурологического анализа, авторы концепции обосновывают наличие двух типов институциональных матриц: западной и восточной³⁴.

Признаками восточной матрицы, к которой относится и российское общество, являются: коллективные формы производства продукта и нерыночная (раздаточная) система централизованного его перераспределения в экономике, унитаризм и централизм в политике, превалирование коммунитарного (коллективистского) начала над индивидуальным в системе ценностей

³⁴ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.

(идеологии). Под западной институциональной матрицей понимается комплекс рыночных институтов в экономической сфере, федерально-субсидиарный характер политической системы, доминирование индивидуального начала над коммунитарным в сфере идеологии.

Объективные, природно-климатические условия функционирования важнейших сфер российского общества (экономической и политической) в силу сохраняющейся технологической отсталости экономики и в настоящее время по-прежнему требуют доминирования базовых коммунитарных социальных институтов. Вместе с тем российские реформы 90-х гг. были направлены на повсеместное внедрение западных принципов организации социальных институтов. Поэтому в России возникла переходная социальная система, типовыми признаками которой, по определению ученых, являются *неустойчивость* и *неэффективность управления*³⁵. Декларируемое сокращение вмешательства государства в экономическую и прочие сферы социальной жизни в реальности обернулось сокращением *легального* участия государственных структур в функционировании этих сфер при одновременном расширении доли *теневого* участия их агентов.

Внедрение рыночных институтов в общество, изначально функционировавшее в условиях доминирования нерыночных механизмов распределения ресурсов, привело к быстрому расширению сферы «теневых» практик. Опираясь на результаты научных исследований, автор отмечает, что контроль за полем свободной экономической деятельности не является эффективным даже в странах с многовековыми традициями рыночной экономики. В условиях России рыночные преобразования приобрели нелегальную окраску благодаря, во-первых, участию в теневых экономических практиках государственных служащих, социальный капитал которых, а, значит, и дивиденды с него, напрямую зависел от находящихся в их распоряжении рычагов легальной власти; во-вторых, широкому участию в рыночных отношениях (легальных, полулегальных, криминальных) капиталов и агентов российской преступности.

Таким образом, основной причиной бурного развития процесса криминализации является тотальная замена базовых коммунитарных институтов, воспроизводивших и поддерживавших сложившиеся формы функционирования российского общества, институтами западного образца, вызвавшими их дезорганизацию.

В сфере экономики данная дезорганизация проявилась в распространении неправовых практик, которые оказались более выгодными и рациональными для хозяйствующего субъекта, чем правовые.

В сфере политики системные реформы привели к деформации правового поля, противостоянию центра и регионов в сфере законодательной деятельности, криминализации механизма формирования региональных политиче-

³⁵ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человека? М., 1999. С.16.

ских элит, реальной подмене управленческой функции функцией теневого перераспределения ресурсов.

В сфере социальных отношений криминализация проявилась в том, что преобразованием экономики на рыночных принципах в массе воспользовались не наиболее квалифицированные и образованные слои населения, а наиболее консолидированные и склонные к теневым коммерческим практикам социальные группы. В России значительную роль в организации теневой сферы коммерческой деятельности играют группы этнических мигрантов, локализованных в индустриально и финансово развитых городах европейской части страны.

Факторами криминализации в российских условиях стали:

а) усиленное насаждение индивидуалистических и гедонистических потребностей в общественном сознании;

б) ориентация политической и экономической элиты России на стандарты жизни соответствующего слоя в западных странах;

в) культурно-хозяйственная неоднородность населения различных регионов России, которая обусловила разницу в темпах их экономических преобразований, что привело к перемещению наиболее мобильной и экономически рискованной части населения в наиболее экономически развитые города и расширению ими спектра неправовых практик.

Второй параграф «Российский дискурс о преступлении: смещение культурных акцентов в процессе социальной динамики» посвящен анализу культурно-исторических особенностей и функций российского дискурса о преступлении и каре.

В диссертации показывается, что отношение общественного сознания к преступному миру, интенсивность внимания к нему выступают показателем трансформаций, происходивших в российском обществе на рубеже XIX-XX вв. Автор обращает внимание на тот факт, что крупнейшие русские писатели второй половины XIX в. создали ряд классических произведений на криминальную тему. Наряду со знаменитыми романами Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», «Записки из мертвого дома», «Бесы», «Братья Карамазовы») можно упомянуть Н.С. Лескова («На ножах», «Леди Макбет Мценского уезда»), Л.Н. Толстого («Воскресение», «Крейцеров соната»), а также криминальные сюжеты рассказов И.А. Бунина, А.И. Kupрина, А.П. Чехова, Л. Андреева и др. Написанные на основании реальных юридических дел, они одновременно и отражают господствующие взгляды на эту проблему, и формируют социальные установки в оценке преступных деяний.

Изучение девиантного поведения, предпринятое Р. Мертоном, показывает, что в западном обществе преступность вписывалась в культурные смыслы общества: она представляла собой реализацию стремлений к достижению целей, признанных обществом в качестве одобряемых, с помощью незаконных средств. Иначе говоря, частично отрицая общественный порядок на нормативном уровне, делинквент позиционировал себя как носитель господствующих в обществе ценностей, стремящийся, невзирая на нормативные ограни-

чения, к осуществлению целей, которые это общество выдвигает. Делинквент, выступающий против базовых ценностей общества (бунтарь, революционер), в контексте данного анализа не рассматривается: он находится вне общества.

Преступность, разраставшаяся в России во второй половине XIX в., воспринималась русским общественным сознанием в другом ракурсе. Преступник не отрицает господствующих ценностей общества. Но те цели, которые он преследует, противостоят не нормативным ценностям, а, скорее, чувству справедливости. Поэтому российские писатели конца XIX в., выступавшие одновременно как крупнейшие социальные мыслители, подвергают преступившего закон в эпоху фундаментальных общественных трансформаций культурной экспертизе. Правовое преступление соотносится со структурой базовых ценностей российского общества.

Рассматривая российский дискурс о делинквентных практиках, автор выделяет ряд этапов в осмыслении преступности, вызванной изменением важнейших базовых ценностей российской культуры: аскетизма в сфере потребления и коммунитарности.

Первый этап дискурса (конец XIX в.) - резкое порицание поведения, отклоняющегося от традиционных норм. Утверждение того, что даже при реальном негативизме потенциальной жертвы герой не имеет права преступать нравственный закон. Такое преступление ставит самого героя в страдающую позицию. Рационально-утилитарная оправдывающая мотивация поступка не может быть принята ни обществом, ни самим героем, социализированным в культурных ценностях этого общества.

Второй этап (60-е гг. XX в.) - смещение акцента анализа на самого героя преступных практик. При этом доминируют показ вынужденной необходимости этих практик, их обусловленность преступностью самого правового суверена - государства. Сохранение целостности героя толкает его одновременно на криминальные и дессидентские практики. Сам герой не мучится осознанием раскаяния за свое преступление. Его преступление - выход за внешние правовые ограничения для того, чтобы сохранить верность своим представлениям о должном (нравственном) поведении.

Третий этап показывает осмысление социального состояния, когда неправовые практики стали распространяться на все сферы общества и наблюдается тенденция сращивания реальной власти с криминальными группами, обладающими четкими интересами, волей и финансовыми ресурсами для их реализации; располагающими возможностью лоббирования своих интересов на уровне законодательных, исполнительных и правоохранительных органов власти, а также собственными, профессионально организованными силовыми структурами. Но одновременно в дискурсе формируется и противоположная тема, которая направлена на утверждение идеи необходимости развития гражданской активности в форме самозащиты для противостояния криминализации «всем миром».

Иными словами, в современном дискурсе присутствуют одновременно два конструирующих начала: одно направлено на структурирование всесильного криминального мира, другое – на противостояние ему средствами самоорганизующегося населения, защищающего закон с опорой на незаконопослушных (и официально дисквалифицированных) представителей правоохранительных органов.

Таким образом, анализ художественно-публицистического дискурса о преступности показывает, что переход к утверждению материальных ценностей влечет за собой искажение до противоположного функций государственных и правоохранительных органов, которое не ускользает от внимания публицистов. Такая инновационная девиация, противоречащая базовым ценностям российской культуры, на уровне массового поведения вызывает отношение к неправовым практикам как обычному явлению. Перспектива выхода из сложившейся ситуации видится литераторами в самостоятельной защите собственных позиций как необходимость консолидированными представителями гражданского общества.

Сопоставляя различные этапы российского дискурса о преступлении и наказании, автор приходит к выводу о том, что осмысление криминальных практик в России никогда не было связано с утверждением ценности права и смещало оценку в сферу нравственности.

В *третьем параграфе «Перспективы сдерживания и противостояния криминализации в России»* автором предпринимается попытка определения стратегии сдерживания криминализации, адекватной современным российским условиям.

Рассматривая исторически сложившийся механизм контроля делинквентных практик в России, автор показывает наличие зависимости уровня преступности от внутренней политики государства, точнее, от степени ее адекватности традициям взаимодействия власти и общества, сложившимся в культуре страны. Одним из таких механизмов была судебная реформа 60-х годов XIX в., которая позволила фактически поставить преступность под контроль традиционных общественных форм, в качестве которых выступали волостные суды и административные жалобы. Изучение деятельности волостных (крестьянских) судов показывает, что они руководствовались обычным правом³⁶, т.е. имели народный характер. Жалоба также представляла собой реализацию низовой, народной инициативы.

Тот же принцип, но в несколько измененной форме, демонстрирует опыт обуздания криминальности в первой трети XX в., которая была вызвана революциями, гражданской войной, обнищанием масс, огромным количеством беспризорных детей. Главное содержание стратегии антикриминальной политики в тот период представляло актуализацию социальной активности

³⁶ Мухин В. Обычный порядок исследования у крестьян. СПб., 1888; Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия?. Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С.269.

масс (т.е., и в этом случае речь идет о модернизированных элементах традиционных форм контроля). Обозначенные выше институты в измененной форме - в виде товарищеских судов и жалоб - функционировали и в советский период российской истории. Сохранение традиционных неформальных методов контроля в советское время можно объяснить тем, что не изменился принцип централизованного управления государством, подчинившего себе личность. Но это одновременно означало и сохранение правового нигилизма на уровне как обыденного сознания масс, так и административно-управленческих структур, которые в равной степени ориентировались на силу не закона, а центральной власти.

Политико-правовая реформа 90-х гг. XX в. в России фактически упразднила жалобы как институт обратной связи: и государственных органов и населения, и внутри иерархической структуры самого государственного управления. На смену ему пришел институт независимой судебной власти. Данная позиция декларировалась как основная задача проводимого в нашей стране процесса реформирования судебной системы и была оформлена в Концепции судебной реформы от 24 октября 1991 г.

Подобная переориентация доставшейся России в наследство от советского государства судебной системы в соответствии с новыми демократическими принципами организации жизни предполагает развитие судебного ведомства в целом и совершенствование деятельности судов и судей, в частности. Причём анализ характера осуществления и оценка перспектив судебной реформы не определяются пределами привычной ведомственной и профессиональной проблематики, которой обычно и ограничиваются исследователи, когда речь заходит о проблемах судебной деятельности и функционирования судов. Ведь без должной институционализации, прежде всего правовых ожиданий, практически невозможно обеспечить ни адекватное действие рыночных механизмов в экономике, ни стабильность и гарантии режима собственности, ни многие другие составляющие нормального социального процесса в целом. А в любом современном развитом государстве в решении всех этих задач важная, если не решающая, роль традиционно отводится, наряду с органами представительной власти и правительством, именно органам судебной власти.

Таким образом, действительная проблема, с которой сегодня сталкивается судебная реформа в России, состоит в том, чтобы придать судебной власти статус, позволяющий обеспечить защиту гражданских прав, без чего невозможно обеспечить дальнейшие структурные преобразования в экономической системе и формирование правового государства. Реорганизация судебной системы связана с решением проблем, подчас не вербализованных в официальных документах. Они касаются перехода от принципа централизации к субсидиарному принципу организации власти, и налаживанию принципиально иных каналов обратной связи власти с обществом (от жалоб к судебным искам), внедрения новых принципов деятельности государства. Таким образом,

по существу, речь идёт о реформировании матрицы власти. В противном случае суды, хоть и трансформированные, останутся, как и раньше, судебной властью при власти политической, а отправление правосудия так и будет простым разделением труда между государственными чиновниками.

Судебная реформа в России реализуется на протяжении последнего десятилетия и, помимо формальных задач, связана с необходимостью изменения в общественном сознании отношения к праву в целом и к судебной системе, в частности, без чего невозможно утверждение нового механизма контроля делинквентности и противостояния криминализации.

Исходя из такой логики, автор рассматривает проблему отношения населения к судебным органам как показатель потенциальной готовности общества к использованию правового механизма сдерживания криминализации. Эта проблема обсуждается при помощи интерпретации результатов социологического опроса пилотажного типа, проведенного среди населения в Юго-Западном округе г. Москвы в 2002 г. Полученные результаты опроса свидетельствуют о том, что основная часть населения до сих пор не осознает степень важности изменения статуса судебной власти в политической организации общества. Правовой способ разрешения неправовых практик пока не вошел в повседневную жизнь основного большинства населения. Вместе с тем уже примерно половина населения с доверием относится к функционированию судов и обращается в них для разрешения своих проблем. Для этой группы характерны высокий уровень образования и достаточно самостоятельный статус в организации производственной деятельности. Ей присущи также более высокая оценка значимости правовых ценностей, более высокая степень актуальности легальных форм социально-правовой активности; она более чутка к проводимой реформе судопроизводства.

Результаты исследования показывают также невысокую осведомленность населения о тех правах, которые можно отстаивать с помощью судов. В частности, население не склонно отстаивать свои права в сфере труда (если это не касается административных увольнений) через суды, не заинтересовано в учреждении третейских, административных судов. Эти позиции свидетельствуют не столько о недоверии к судам, сколько о низкой компетенции в области права и, возможно, о невысокой значимости гражданских прав для значительной части общества.

Собранный и проанализированный материал показывает, что в настоящее время в России общественным сознанием достаточно четко осознаются две альтернативы разрешения проблемы оптимальной формы регуляции социальных отношений, включающей как частный случай регулирование делинквентных практик. Определенная часть населения использует неформальные способы разрешения проблем: устные договоры, силовое давление, «телефонное право». Такая практика оказывается продуктивной для решения определенного круга вопросов (например, заключения производственных сделок, которые приобретают «теневой» характер), но не способствует отла-

живанию универсального механизма, регулирующего социальные взаимодействия.

В противовес неформальным нормам, достаточно распространившимся в российской практике за последнее десятилетие, наблюдается становление правового механизма. Он связан с трансформацией всей системы правовой организации общества как в структурном, так и в содержательном планах. В структурном плане эта трансформация предполагает изменение принципов взаимодействия правоохранительных, судебных органов, прокуратуры и адвокатуры. В содержательном плане речь идет о замене репрессивно-карательного характера работы правовой системы восстановительно-терапевтическим. В таком содержательном изменении закрепляется перенос акцента с защиты прав государства на приоритетную защиту прав личности.

Однако опыт европейских стран с уже сложившейся традицией правовой организации общества и доминированием института суда в организации правового пространства общества показывает, что формально-правовые способы регулирования социальной жизни оказываются недостаточными. В настоящее время в развитых европейских странах происходит корректировка правовой системы, направленная на актуализацию опыта традиционных форм регуляции. В современной же России организаторы и исполнители правовой реформы озабочены проблемой формирования должного статуса суда, преодоления традиции правового нигилизма, утвердившейся на уровне как массового сознания, так и государственного чиновничества. Но уже сегодня ясно, что одновременно все более осознается необходимость обращения к активизации гражданских инициатив, использованию, но в обновленной форме, тех традиционных институтов, которые обеспечивали контроль первичных социальных коллективов.

В *Заключении* диссертации подводятся итоги проведенного исследования и формулируются общие выводы.

Список опубликованных работ по теме диссертации:

1. Артюхов А.В. Методологические проблемы изучения криминализации современного российского общества // Актуальные проблемы социального функционирования транзитивного общества. Социологические очерки. Ч.П. Ростов н/Д, 2002. - 0,5 п.л.
2. Артюхов А.В. - вопросы 62, 74, 75, 91, 92 // История политических и правовых учений. 100 экзаменационных ответов: Экспресс-справочник для студентов вузов. М. - Ростов н/Д, 2003. - 0,8 п.л.
3. Артюхов А.В. Общественный дискурс о преступности как способ ее структурирования // Актуальные проблемы социального функционирования транзитивного общества. Социологические очерки. Ч.IV. Ростов н/Д, 2002. - 0,6 п.л.

4. Артюхов А.В. Криминализация России в рамках институционального подхода // Наука и образование. 2003. № 1. - 0,2 п.л.
5. Артюхов А.В. Особенности криминализации российского общества. Ростов н/Д, 2003. - 1,5 п.л.
6. Артюхов А.В. Криминализация России как следствие внедрения институтов западного общества в общество восточной институциональной матрицы // Актуальные проблемы социального функционирования транзитивного общества. Социологические очерки. Ч. I. Ростов н/Д, 2003. - 0,8 п.л.
7. Артюхов А.В. Институциональный анализ процесса криминализации в современной России // Наука и образование. 2003. № 2. - 0,2 п.л.